

*Посвящается Ингрид и Карлу,
которых люблю во всех их проявлениях*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АКОС

Тихоцвет всегда распускался в самую длинную ночь.

Когда тугой «кулачок» лепестков раскрывался, вспыхивая ярко-алым, весь город праздновал это событие. Тихоцвет был истинной кровью народа, а кроме того, по мысли Акоса, позволял не сойти с ума от холода.

В канун ритуала Цветения Акос, запарившись в своей кухлянке, решил подождать родичей во внутреннем дворе. Дом Керезетов был выстроен вокруг очага, и его внутренние и внешние стены плавно изгибались. Предполагалось, что круг приносит удачу.

Стоило открыть дверь, как от мороза защипало глаза. Акос опустил защитные очки, стекла тут же запотели. Рукой в варежке потянулся за кочергой, пошуровал ею под колпаком очага. Горюч-камни, выглядевшие черными комьями, от трения замерцали, рассыпая разноцветные искры — оттенок их зависел от того, чем именно были присыпаны осколки камней.

Теперь они вспыхнули ясным, кровавым огнем. Камни горели здесь не для света или тепла, а как напоминание о Токе. Впрочем, Акосу хватало и постоянного гула в собственном теле. Ток протекал сквозь каждое живое существо, а в небе проявлялся разноцветными сполохами. Точь-в-точь как россыпь горюч-камней. Или фонари «поплавков», сновавших над дорогой в город. Или лета-

ющие тарелки, которые проносились над этой покрытой снегом планетой: пришельцы не решались высадиться на ее промерзлую поверхность.

Во двор выглянул Айджа — старший брат Акоса.

— Ты же заледенеешь! Возвращайся, мама почти готова!

Обычно мама долго возилась, собираясь в храм. Как-никак, а она — прорицательница. Глаза всех присутствующих будут обращены на нее.

Акос бросил кочергу и шмыгнул в дом, на ходу ставившая защитные очки и маску.

Отец и Сизи, старшая сестра Акоса, уже топтались у входной двери, нахлобучив на головы капюшоны: оба в самых теплых кухлянках из меха кутьяха. Шерсть этого зверя не поддавалась окраске, оставаясь серебристо-седой.

— Все в сборе? Отлично, — сказала мама, застегивая кухлянку.

Она неодобрительно покосилась на старые унты мужа.

— Прах твоего отца содрогается, видя, как грязна твоя обувь, Оуса.

— Надеюсь. Потому-то я и постарался запачкать ее как следует, — улыбнулся отец.

— Прекрасно, — ответила мать нарочито милым голоском. — А знаешь, мне нравится.

— Тебе нравится все, что не нравилось моему батюшке.

— Просто потому, что твоему батюшке никогда ничего не нравилось.

— Может, пойдем наконец в поплавок, а? Пока он совсем не остыл? — жалобно напомнил Айджа. — Ори, наверное, скучает у алтаря.

Мама одернула рукава кухлянки и натянула на лицо маску, после чего все Керезеты — в мехах, защитных очках и плотных рукавицах — заторопились на стоянку.

Приплюснутый, круглый корабль парил над снегом на высоте колен взрослого человека. Мать коснулась двери, та открылась, и они гурьбой полезли внутрь. Айджа

и Сизи протянули руки Акосу, еще слишком маленькому, чтобы забираться в поплавок самостоятельно. Пристегиваться никто не стал.

— К храму! — крикнул отец, воздев кулак.

Он всегда так делал, когда они отправлялись в храм. Подбадривал своих детей, как будто им предстояло выслушать нудный урок или толкаться в очереди вместе с родителями в день голосования.

— Разлить бы твой энтузиазм по бутылкам да раздать тувенцам! Большинство прихожан я вижу раз в сезон, и то лишь потому, что их ждет еда и выпивка, — пошутила мать.

— Ты сама так решила, — напомнил Айджа. — Тогда приманивай их жратвой весь сезон.

— Устами младенца, — пробормотала мать, нажимая кнопку зажигания.

Поплавок взмыл вверх и так рванул вперед, что они повалились друг на друга. Айджа со смехом отпихнул Акоса.

Вдалеке помаргивали огни Гессы. Город располагался вокруг холма, вершину которого венчал храм, а у подножия находилась военная база. Остальным строениям тоже места хватало. Храм был массивным каменным зданием, с куполом из сотен разноцветных стеклянных панелей. В лучах заходящего солнца рукотворный пик Гессы должен был светиться оранжево-красным. Но вечернее небо часто заволакивали тучи, из чего следовало, что не светился он почти никогда.

Поплавок полетел над улицами Гессы. Город был древним, как и сама планета Туве.

Гесса... Так называли ее все, кроме врагов: казалось, что это слово застряло у подлых пришельцев как кость в горле. Опустевшие дома утопали в глубоких сугробах. Сегодня жители Гессы собрались в храме.

— Видела что-нибудь интересное? — спросил у матери отец, направляя поплавок в обход высокого анемометра, протыкающего небо.

Пропеллер анемометра бешено вращался.

По отцовскому тону Акос догадался, что речь идет о видениях. На каждой планете было по три провидца: один назывался «восходящим», второй — «восседающим» — такой являлась мама Акоса, — а третий — «нисходящим». Акос не знал точно, что означает «восседающий», но понимал, что Ток нашептывает матери сведения о будущем.

Многие восторгались ее даром.

— На днях я заметила твою сестру... — начала мама, но осеклась. — Сомневаюсь, что ей захочется это услышать.

— Она считает, что к будущему, учитывая его важность, нужно подходить с должным уважением.

Глаза матери сверкнули, и она по очереди оглядела детей.

— Вот что получается, когда выходишь за военного, — произнесла она. — Они хотят, чтобы мир был упорядочен, в том числе и мой токодар.

— Но я, вопреки семейной традиции, сделался фермером, а не солдатом. А моя сестра наверняка нервничает, поэтому не думай, что она захочет тебе нагрубить.

— Ну-ну, — хмыкнула мама.

Сизи принялась вполголоса что-то напевать. Мелодия была знакома Акосу, но откуда — он не помнил. Сестра смотрела в окно, игнорируя перепалку родителей. Однако до ссоры дело не дошло, и тишину нарушало только мурлыканье Сизи. Как говаривал отец, к реальности у нее имелся свой подходец. Этакая легкость.

Храм был освещен и снаружи, и изнутри: арочный вход украшали гирлянды фонариков, каждый размером с кулак Акоса. Повсюду парили поплавки, пухлые «брюшки» которых озарялись разноцветными зигзагами. Часть поплавков прихожане припарковали на склоне холма, другие еще кружили вокруг купола: их владельцы пытались найти стоянку. Мать, знающая самые потайные закоулки храмовой территории, ука-

зала отцу на небольшой участок возле трапезной. Там они и высадились, а мать быстро провела их к тяжелой боковой двери, которую ей пришлось открывать обеими руками.

В каменном коридоре царил полумрак. Ковры были такими потертыми, что сквозь них просвечивал пол.

Они миновали низкий алтарь, на котором теплились свечи. Их зажигали в честь тувенцев, павших во время шотетского нашествия еще до рождения Акоса.

Он засмотрелся на мерцающие огоньки. Айджа обхватил его сзади за плечи, и Акос испуганно ойкнул. И смутился, сообразив, что это просто-напросто брат. Айджа расхохотался, тыча пальцем ему в щеку:

— Я даже в темноте вижу, как ты покраснел!

— Заткнись! — обиделся Акос.

— Айджа, не дразни брата, — пристыдила мать своего старшего сына.

Ей постоянно приходилось заступаться за Акоса, который заливался краской по любому поводу.

— Я же пошутил, мам...

Они добрались до центра храма. Здесь, вокруг Зала Предсказаний, собралась толпа прихожан. Люди стягивали кухлянки и унты, оставаясь в легких ботинках, поправляли примятые капюшонами волосы, дышали на замерзшие пальцы. Крезеты тоже сняли унты, кухлянки, маски и рукавицы, свалив свое добро в каменной нише, прямо под окном. Акос устался на вытравленный на фиолетовом стекле тувенский символ Тока.

Когда Крезеты собирались войти в Зал, Акос услышал звонкий голос:

— Айджа!

В коридор влетела Ори Реднэлис, лучшая подруга Айджи. Она была долговязой и нескладной, сплошные локти, колени и взъерошенная шевелюра. Прежде Акос никогда не видел Ори в платье: наряд, сшитый из фиолетово-красной ткани, застегивался на плече, как военная форма.

Костяшки пальцев у Ори покраснели от холода. Одним прыжком подскочив к Айдже, Ори затараторила:

— Вот ты где! А я чуть не лопнула, слушая разглагольствования тетушки об Ассамблее.

Акос однажды посчастливилось внимать напыщенным рассуждениям этой женщины. Тетка Ори любила поговорить о галактическом правительстве. По ее словам, Ассамблея ценила Туве исключительно за посевы ледотравья и не придавала значения шотетскому вторжению, именуя его «гражданскими разногласиями». Какой-то смысл в ее речах имелся, но Акос всегда чувствовал себя неловко, слушая разговоры взрослых.

Если бы они его о чем-то спросили, он бы, наверное, онемел.

— Привет, Оуса, Сифа, Сизи, Акос! — выпалила Ори. — Счастливого вам Дня Цветения! Поздравляю! — быстро добавила она. — Пойдем, Айджа!

Айджа вопросительно взглянул на отца, и тот махнул рукой:

— Ладно! Позже увидимся.

— Но если застукаем тебя с трубкой во рту, как в прошлом сезоне, заставим съесть ее содержимое, — добавила мать.

Айджа выгнул бровь. Брат никогда не смущался и не краснел. Даже когда другие школьники дразнили его за слишком высокий для мальчишки голос или за богатство родителей, — обстоятельство, отнюдь не добавлявшее тебе популярности в Гессе.

И Айджа никогда не огрызался на насмешки. Он умел отгораживаться от подобных вещей, замечая их только тогда, когда ему действительно хотелось.

Айджа схватил Акоса за локоть и потащил за собой. Сизи, как всегда, осталась с родителями, а братья, вслед за Ори, потопали в Зал Предсказаний.

Ори ахнула, и Акос, увидев внутреннее убранство, эхом повторил ее вздох. Тувенцы, прислуживающие в храме, развесили тут сотни фонариков и присыпали

горюч-камни тихоцветом, отчего те прямо-таки пылали. Красные огни — куда ни глянь, от вершины купола до самого пола! Зрелище завораживало. Акос как будто оказался под сияющим пологом.

Айджа улыбнулся Акосу, и на его зубах заиграли алые отсветы.

В центре просторного зала находилась громадная льдина. В прозрачной глыбе виднелось несколько дюжин побегов тихоцвета с готовыми вот-вот раскрыться бутонами.

Льдину окружали небольшие, размером с палец Акоса, фонарики с горюч-камнями, от которых исходило ровное сияние. Теперь каждый тувенец мог вдоволь полюбоваться неискаженным оттенком тихоцветов — куда более насыщенным, чем любой светильник. Глубоким, как кровь, так утверждали некоторые.

Вокруг столпились прихожане, облаченные в церемониальные мантии свободного покроя. Эти одеяния скрывали все, кроме головы и рук, и скреплялись искусно сделанными стеклянными пуговицами. Кроме того, мужчины щеголяли в длинных, до колен, жилетах, отороченных мягкой кожей ильта, и в шарфах, дважды обернутых вокруг шеи. Наряды прихожан, в отличие от повседневных кухлянок, не были ни серыми, ни белыми.

Зеленый жилет Акоса достался ему в наследство от Айджи и оказался широковат в плечах. Сам Айджа был в коричневом.

Ори ринулась к столу с угощением, где уже торчала ее тетушка с кислой физиономией. Племянницу она не заметила. У Акоса вообще сложилось впечатление, что Ори не жалует тетку с дядей, поэтому частенько гостит в доме Керезетов. Что случилось с родителями Ори, он не знал.

Айджа сунул в рот целую булочку и поперхнулся крошками.

— Осторожно! — воскликнул Акос. — Мало славы погибнуть, подавившись горбушкой!